

СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕВОДОВ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА Д. ЛОНГОМ

В прозаических интерпретациях басен Д. Лонга (1869), заявленных переводчиком в качестве проводников его социальной позиции и призванных отразить универсальность «великих моральных истин», сделана попытка отобразить не только социально-дидактическую составляющую басен, но и особенности их эстетического наполнения.

Ключевые слова: Крылов, Лонг, перевод.

Русская поэзия, характеризующаяся высокой информативностью как содержания, так и формы, по сей день представляется англоязычным переводчикам неподатливой для адекватного воспроизведения. В то же время басня, эстетическая форма которой в традиционных английских представлениях подчас отходила на второй план по сравнению с функциональностью содержания, вероятно, обладала по сравнению с лирической поэзией определенной привлекательностью, не отталкивая переводчиков чрезмерной непосильностью решения литературной задачи. Вероятно, эти соображения в некоторой степени отразились в многочисленности попыток воспроизведения басен Крылова на английском языке. Переводчики стремились оправдать ожидания английского читателя, и их миссия облегчалась тем, что в отношении басни эти ожидания варьировались, допуская как поэтическую, так и прозаическую форму воплощения авторского замысла. Неизменной же составляющей этих ожиданий оказывался замысел баснописца как таковой в своем триединстве оригинального сюжета, нравственно-дидактической и сатирически-социальной констант.

Популярность басен Крылова в Англии достигает пика к концу 1860-х гг., когда за короткое время появляется ряд их прозаических интерпретаций. Одним из переводчиков был миссионер Джеймс Лонг, выпустивший в 1869 г. в Калькутте книгу под названием «Басни Крылова, иллюстрирующие русскую социальную жизнь». Цель издания автор излагает в предисловии: т.к. многие российские пороки существуют и в Индии, то «жало сатиры может быть применено к Востоку, так же как и к России», басни же являются «примлемым средством для передачи великих моральных истин» [1. С. 1]. Лонг ориентирует аудиторию на назидательную сущность басен с самого начала, снабжая нравоучительными обобщениями названия каждой из них. Примечательна стилистическая пестрота подобных подзаголовков. Сознвая близость басен к народному языку (Лонг – автор ряда работ по фольклористике), переводчик широко использует в них пословицы и поговорки: так появляются «Музыканты» – «The Musicians, or Cheap and Nasty», где вторая часть заглавия соответствует русскому «дешево, да гнило», «Мальчик и Змея» – «The Boy and the Serpent, or Look before You Leap» – аналог русского «Не зная броду, не суйся в воду» и др. В некоторых названиях Лонг использует фразеологизмы нефольклорного происхождения: так, басне «Крестянин в беде» предшествует подзаголовок «Job's Comforters» – «Утешители Иова», басне «Овцы и Собаки» предпослана фраза «The Remedy Worse than the Disease» – «Лекарство хуже болезни», выражение из «Эссе» Ф. Бэкона. Очевидно, не найдя «готовых» вариантов для ряда басен, Лонг изобретает их самостоя-

тельно. Таковы «Foolish Calculations» («Глупые расчеты»), басня «Ворона и Курица»), «Changes not Always Improvements» («Изменения – не всегда к лучшему»), «Тришкин Кафтан»), «Useless Labour» («Бесполезный труд»), «Обезьяна») и др. Иногда переводчик использует один и тот же подзаголовок для двух басен: так, пословицей «The Kettle Calling the Pot Black» («Горшок над котлом смеется, а оба черны») аннотированы басни «Волк и Мышонок» и «Волк и Пастухи», подзаголовком «Sin its own Punishment» («Грех сам себя наказывает») снабжены басни «Троеженец» и «Безбожники», и аналогичные примеры можно продолжить.

Безусловно, с позиции современного переводоведения самостоятельная инициатива Лонга в плане расширения названий оригинальных произведений представляется недопустимой вольностью. Также не подлежит сомнению, что прямолинейность вынесения однозначных суждений в большей степени характерна для английского миссионера, озабоченного магистральной идеей донесения морали до читателей, чем для Крылова, которому ригоризм выводов был не свойствен, и неоднозначность басенных «моралей» которого неоднократно подчеркивалась. Однако с точки зрения европейской поэтики ситуация переименования басен оправданна: на протяжении веков многие памятники таких склонных к обобщительной дидактике жанров, как фавлио или басня, нередко открывались предварающими сюжет крылатыми выражениями [3], поэтому неудивительно, что Лонг, бывший прежде всего проповедником, считал правомерным и обоснованным действовать в рамках традиций.

Показательна, скорее, другая сторона интерпретаций Лонга. Несмотря на декларированную назидательность интенций, переводчик, точно следуя за поворотами сюжета и нередко дополняя его подробностями, по сути дела не проявляет повышенного внимания к самим моральным формулировкам: в некоторых произведениях они сокращены, видоизменены, а то и вовсе отсутствуют. Как правило, Лонг опускает мораль, если в оригинале она кратка, видимо, посчитав достаточно информативным подзаголовок. Таковы басни «Волк и Кот» («The Wolf and the Cat, or Reap what you Sow») – «что посеешь, то и пожнешь», «Лебедь, Щука и Рак» («The Swan, the Pike and the Pike or being Unequally Yoked») – «неподходящие друг другу», «Паук и Пчела» («The Spider and the Bee or Useless Talents») – «бесполезные таланты» и др. Однако иногда переводчик игнорирует и более пространственные моральные выводы (басни «Мартышка и Очки», «Крестянин и Змея», «Кот и Повар» и др.). Нам не удалось выявить какой бы то ни было закономерности в точности воспроизведения переводчиком моральных формул оригинальных басен. Очевидно лишь, что его предпочтения в общем

не коррелируют с большей или меньшей подробностью изложения произведения в целом: так, басня «Кошка и Соловей», пересказанная со значительными купюрами, содержит дословно переведенную мораль, а в близко следующей русскому тексту басне «Зеркало и Обезьяна» последняя существенно усечена.

Иногда Лонг, пытаясь придать моральным формулировкам большую оригинальность, видоизменяет их,

Английский перевод:

So have I seen many a fool, who, not wishing to lose a single hair from the nape of the neck, has after all been obliged to wear a wig [1. С. 40].

Оригинал:

Мне кажется, что смысл не темен басни сей;
Щепотки волосков Лиса не пожалей –
Остался б хвост у ней. [2. С. 229].

Подстрочник английского перевода:

Подобно этому, я видел много глупцов, которые, не желая потерять ни единого волоска с затылка, в конце концов были вынуждены носить парик.

Таким образом, вопреки заявленной автором дидактической интенции, классицистический примат морального начала в переводах басен все же не представляется нам безусловным. Наряду с подчеркнутым вынесением моралистического элемента в заглавие мы нередко наблюдаем отсутствие или усечение моральных выводов непосредственно в басенном тексте; вместе с тем ни в одной из английских версий моральная формулировка не была расширена, чего можно было бы ожидать от переводчика-миссионера. Немногочисленные изменения, привнесенные в морали, очевидно, не будучи призванными обобщить или углубить дидактический смысл басен, скорее сообщают последним привлекательность эстетической формы.

Как отмечалось выше, в большинстве английские версии басен в целом следуют за оригинальным текстом,

Английский перевод:

Relying on the vigilance of his faithful dog, a shepherd lay down to sleep in a cool and silent grove. Suddenly a poisonous snake darted at him from a bush. Death was at hand; when a gnat, which saw the imminent danger, plunged his sting into his ear [1. С. 31].

Оригинал:

Пастух под тенью спал, надеялся на псов,
Приметя то, змея из-под кустов
Ползет к нему, вон высунувши жало;
И Пастуха на свете бы не стало,
Но, сжался над ним, Комар, что было сил,
Сонливца укусил [2. С. 143].

Подстрочник английского перевода:

Понадеявшись на бдительность верной собаки, пастух лег спать в прохладной и тихой роще. Внезапно ядовитая змея метнулась к нему из куста. Смерть была близка, когда комар, который видел грозящую опасность, вонзил жало ему в ухо.

Подобные примеры настолько многочисленны, что можно говорить о том, что одной из отличительных особенностей переводов Лонга является его внимание к реалистической конкретике бытия и стремление воссоздать ее как можно более осязаемо, что подчас приводит к некоторому распространению английских версий басен по сравнению с оригиналом.

Английский перевод:

He fits a handle on it, and cuts with it the bark of the linden tree to make himself a pair of shoes; make splinters of fir chips to serve him as candles [1. С. 23].

Оригинал:

Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину им щепать
[2. С. 214].

Подстрочник английского перевода:

Он приделывает к булату черенок, и срезает им кору липовых деревьев, чтобы сделать себе башмаки, делает лучины из еловых стружек, которые служат ему свечами.

Однако Лонг не всегда прибегает к описательной стратегии при необходимости введения реалий; вообще, создается впечатление об отсутствии у него четко обозначенных предпочтений при передаче экзотизмов. Безусловно, Лонг-фольклорист не мог не почувствовать значимости национального колорита для басен Крылова, как Лонг-переводчик не мог проигнорировать важности экзотизмов в качестве «приманки» для читателей, знакомящихся с чужой страной; поэтому он ис-

как, например, в басне «Лиса». Анализируя подобные немногочисленные случаи, нельзя не признать, что допущенные Лонгом вольности не совсем не оправданны в контексте содержания басен (и совершенно очевидно оправданы с точки зрения человека, имевшего за плечами опыт вольных переводов его предшественников), придавая моральным выводам свежесть и нетривиальность:

порой расширяя его за счет подробной детализации повествования. Известно, что Крылов в поисках единственно верного и емкого слова многократно перерабатывал свои басни, добиваясь их исключительной выразительности привнесением немногих, но безупречных штрихов. Английский переводчик, пытаясь не потерять зримой образности оригинала, подчас более многословен. Так, в басне «Комар и Пастух» предельно аскетично обрисованной Крыловым мизансцене ситуации Лонг противопоставляет избыточную эпитетами детально выписанную картину: «понадеявшись на бдительность верной собаки, пастух лег спать в прохладной и тихой роще». Далее переводчик уточняет, что змея, которая «внезапно метнулась» к пастуху из-под кустов, была ядовитой, а комар, сжалившийся над не подозревающим об опасности человеком, не просто «сонливца укусил», но «вонзил жало ему в ухо»:

Иногда детализация английских версий басен вызвана необходимостью введения экзотических для реципиентов реалий. Подобные объяснения непосредственно в тексте встречаем, например, в басне «Булат», где экзотизмы «лапти» и «лыки» Лонг заменяет разъяснительным «башмаки» и «кора липовых деревьев», а понятие «лучина» расшифровывает целой фразой:

пользует для выполнения своей задачи самые разнообразные средства. Помимо текстовых описаний в ряде случаев Лонг прибегает к транскрипции русизмов: в басне «Три Мужика» слово «щи» транскрибировано («tchi soup»), в басне «Тришкин кафтан» слово «кафтан» транскрибировано («saftan») и снабжено подтекстовым примечанием, аналогичное решение встречаем и в басне «Три мужика», где калькированное выражение «забреют лоб ему» («he is going to have his head

shaved») также сопровождается разъяснительной сноской [1. С. 25]. Иногда переводчик, не найдя английского эквивалента для обозначения некоторых понятий, заменяет их своего рода фонетическим подобием, далеким по смыслу от русского оригинала; очевидно, иначе нельзя объяснить появление «hotel» вместо «хоромы» в басне «Откупщик и Сапожник» [1. С. 39]. В ряде случаев Лонг заменяет понятия, в общем не являющиеся сугубо русскими, по трудно объяснимым причинам: так, в английском варианте басни «Крестьянин и Змея» герой убивает змею не обухом, а камнем, в басне «Воспитание льва» вместо барса фигурирует тигр, а в басне «Свинья» последняя «затесалась» не на «барский двор», а во дворец.

Единственное правдоподобное объяснение подобным заменам, с нашей точки зрения, – ориентация не столько на английского, сколько на индийского реципиента, которому, возможно, эти понятия были ближе. В то же время переводчик не пренебрегает и узнаваемо «английскими» басенными персонажами: так, традиционно русские «шавки» и вообще «собаки» без какого бы то ни было упоминания пород заменяются «мастифами» (mastiff), «овчарками» (shepherd dog) и «охранными собаками» (watch-dog), а Моська (мопс) превращается в типичного злоумышленника английских басен – «сиг-дог», наглую и злобную дворняжку (басни «Слон и Моська», «Мирон», «Крестьянин в беде» и др.).

При переводе реалий, обозначающих денежные единицы, Лонг также непостоянен. Так, в баснях «Купец», «Откупщик и Сапожник», «Раздел», «Крестьянин и Лиса» фигурируют рубли, а в баснях «Лиса» и «Добрая Лисица» – пенсы и фартинги. Наконец, в баснях «Мирон» и «Булат» переводчик находит компромиссное решение, в скобках снабжая русскую копеечку ее английским эквивалентом: *copeck (farthing)*.

Наряду с реалиями камнем преткновения для переводчика стали имена собственные. В каждой басне Лонг решает вопрос об их переводе по-разному. Кое-где имена транскрибированы (Тришка – *Trichka*, «Тришкин кафтан», Мирон – *Miron*, «Мирон», Демьян – *Damien*, «Демьянова уха»), в других баснях переводчик использует интернациональные соответствия русским именам (Андрей – *Andrew*, «Купец», Матвей –

Mathew, «Крестьянин и змея», Фома – *Thomas*, «Три мужика»), иногда прибегает к именам, фонетически напоминающим русские аналоги: так, Климыч в басне «Волк и Мышонок» превращается в Клеменса (*Clemens*), а Клим в басне «Откупщик и Сапожник» – в Клауса (*Claus*). Если в ряде фабул переводчик вообще опускает имена («Два мальчика», «Два мужика», «Крестьянин в беде», «Кот и Повар»), то в басне «Волк и Кот» демонстрирует парадоксальный набор переводческих ухищрений: транскрибирует имена Степан и Демьян (*Stephen, Demien*), заменяет имя Трофим на совершенно необъяснимое Джоан (*Joan*), а Климу на сей раз дарует экзотическую фамилию *Ivanov* [1. С. 40]. Подобная небрежность при переводе имен, как и разнородность, нечеткость при передаче национальных реалий, приводит к ощущению стилистической пестроты басен в целом, где экзотизмы, призванные придать произведениям русский колорит, выглядят чуждыми и неуместными вкраплениями.

Будучи увлеченным фольклористом, Лонг не мог не отметить еще одну особенность басен Крылова – ориентацию на просторечие. И если английский миссионер посчитал для себя невозможным передать стихотворную форму оригинала, то он попытался отчасти воспроизвести в своих переводах дух живой разговорной речи и, прежде всего, сделать это на уровне лексики, пользуясь эмоционально насыщенными средствами фразеологии. Как упоминалось, излюбленным приемом переводчика является предварение басен пословицами или поговорками. Однако и в басенном тексте Лонг находит место подобным выражениям, причем иногда английский переводчик использует фразеологизмы, отсутствующие в оригинале, однако в целом соответствующие его смыслу и настроению. Так, в басне «Щука и Кот» («*The Pike and the Cat, or Not Go Beyond your Trade*» – «Щука и Кот, или Не вмешивайся не в свое дело») Лонг находит превосходный аналог начальным строкам «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник», воспроизводя английскую пословицу «*A shoe-maker must keep to his last*» (буквально: «Пусть сапожник занимается своими обувными колодками»), русский аналог пословицы «*Всяк сверчок знай свой шесток*» [4. С. 158]:

Английский перевод:

Let a shoe-maker keep to his last, is a true proverb of old [1. С. 20].

Оригинал:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник, А сапоги тачать пирожник [2. С. 85].

Подстрочник английского перевода:

Всяк сверчок знай свой шесток, справедливо говорит старая пословица.

Аналогичное решение находим в переводе басни «Три мужика» («*The three peasants, or political discussions*» – «Три мужика, или Политические дискуссии»), где оригинальному «*Все лучше, чем голодным лечь*»

соответствует английский фразеологизм «*But half a loaf is better than no bread*» – «Да полкаравая лучше, чем совсем ничего», идентичный русской пословице «*Лучше синица в руки, чем журавль в небо*» [4. С. 344]:

Английский перевод:

But half a loaf is better than no bread [1. С. 25].

Оригинал:

Все лучше, чем голодным лечь [2. С. 224].

Подстрочник английского перевода:

Да полкаравая лучше, чем совсем ничего.

Рамки статьи не позволяют привести достаточное количество подтверждающих примеров, однако случаи, когда Лонг стремится сохранить просторечную интонацию оригинала, действительно многочисленны. И вместе с тем воспроизведения просторечия лишь на

уровне семантических соответствий оказывается недостаточно для полноценного перевода басен, пусть и в прозаической форме. Помимо обилия просторечной лексики, басни Крылова насыщены структурами, характерными для разговорного синтаксиса и морфоло-

гии, и эти особенности, по сути, не отразились в английском переводе. На морфологическом уровне оригинальные басни отмечены многочисленными ненормативными элементами – здесь и просторечная аффиксация (*тихохонько, увидя, запутавши*), и отклонения в падежных и личных формах и т.д., которые не могут быть полноценно воспроизведены на английском языке уже по самой причине его аналитического строя. Однако эти элементы – маркеры разговорного языка – все же можно компенсировать на других уровнях, и с этой задачей переводчик не справляется. Так, выразительной краткости и эллиптичности устно-разговорного народного синтаксиса русских басен Лонг за редкими исключениями противопоставляет нейтрально-литературный порядок слов и многочленные предложения, и это качественное отличие, противореча семантике оригинала, зачастую сводит на нет удачные лексические находки. Благообразность, литературность слога ведет в том числе и к потере знаменитого басенного рассказчика – «дедушки Крылова», который для русских ассоциировался с образом самого лукавого баснописца.

Безусловно, непрофессионализм Лонга-переводчика и заинтересованность Лонга-миссионера приводит к тому, что лишь немногие басни можно назвать безупречно «переведенными» в современном понимании этого слова: перевод то переходит в пересказ, то слишком близко придерживается оригинала, то теряется в русизмах. Однако необходимо иметь в виду, что Лонг имел за спиной опыт вольных переводов его предшественников, как и традицию видеть в басне не столько литературно-эстетический, сколько информативный, социально-дидактический план. Английский миссионер сумел уловить и стилистическое своеобразие басен Крылова, и их близость к народному языку, и идиоматическую насыщенность, сделав попытку сохранить эти особенности поэтики в своих интерпретациях. И несмотря на очевидную небезупречность переводов Лонга с актуальной точки зрения (в русском варианте исключаящей уже саму приемлемость прозаического перевода поэзии), они, безусловно, заслуживают внимания, являясь важной составляющей восприятия Крылова в англоязычном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Long J.* Krilof's fables, illustrating Russian social life. Translated from the Russian for the Calcutta Weekly «Englishman». Calcutta, 1869.
2. *Крылов И.А.* Сочинения: В 2 т. М., 1969. Т. 1.
3. *Schulze-Busacker E.* Proverbes et expressions proverbiales dans les fabliaux // *Marche Romane*. 1978. Vol. 28, № 3–4. P. 163–174.
4. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 мая 2008 г.